

НАШИ ГОСТИ

Новые переводы с финского Таиры Джафаровой

САУЛИ НИИНИСТЁ

РАССКАЗЫ

Бегун

Кип был в хорошей форме, когда прибыл в аэропорт Осло. Несмотря на долгий полет из Кении, чуткие его мышцы ничуть не онемели. Само собой разумеется, что на стадионе Бислетт завтра будет круто, забеги на скоростях мировых рекордов, и что он на какое-то время окажется в центре внимания, на него устремятся миллионы глаз.

Кип – профессиональный бегун. Этот выбор был ясен с детства, собственно, с самого рождения, во всяком случае, его родителям. Отсюда и имя Кип, в честь легендарного Кипчоге Кейно, того, который в 1960-м пробежал через всю Кению.

Профессия бегуна в Кении была путем к повышению своего социального статуса и благополучию, к чему Кип стремился во всю прыть.

Уже одна дорога в школу оказывалась серьезным делом продвижения к цели: туда и обратно набиралось десять километров ежедневной тренировочной прогулки. Ее Кип проделывал один, бежал легко и быстро, и благодаря этому у него выработался ровный беговой ритм на большой скорости.

Дополнительно была еще школа бегунов, где сразу взяли на заметку талант Кипа и определили его на особый тренировочный режим. А там научили, что те времена, когда бегун из Кении начинал движение на полной скорости и двигался всю дистанцию в своем ритме, пока не заглохнет, уже прошли. Дисциплина – вот главное, что он усвоил из учебы.

«Сдерживай свое желание бежать, чтобы нажать в конце!» – это крепко вбили в сознание Кипа.

И успех пришел, он попал в число лучших в лиге юниоров, и его будущее представлялось блестящим. Повзрослев, Кип прославился тем, что всегда держался на хорошей скорости, а чаще даже на ее пике, и его рекорды были высшего класса. Но как бегуна его беспокоил один недостаток: он не владел, как следует, искусством смены ритма. В то время, как другие ускоряли бег ближе к финишу, Кип продолжал бежать примерно на той же скорости, и потому, верно, не всегда достигал высшего результата. В особенности слабым он считался в тактике бега.

Многие удивлялись, как это так, он показывает хорошее время, когда бежит один, но в соревнованиях у него так мало побед. Кип и сам удивлялся, часто ему хотелось бежать быстрее, но ведь внушенная ему неоспоримая мудрость состояла в том, что в групповых забегах надо бежать дисциплинированно, держаться вместе с другими и следовать их ритму.

И в то время, как многие молодые спортсмены Кении быстро достигали повышения социального благополучия, ему оставалось довольствоваться пятым местом в чемпионате страны, а до чемпионатов мира и Олимпийских игр он так и не добрался.

К счастью, были еще эти соревнования на Кубок мира, в них он участвовал уже несколько лет и благодаря этому все же несколько преуспел в повышении уровня жизни своей семьи.

Теперешние старты в Осло были последними в этом сезоне, затем начинался длинный период зимних тренировок. Год от года это требовало все большей силы воли – тренировки изо дня в день, но до попадания в сборную страны к началу больших игр все еще было далеко.

Итак, ко времени этого приезда в Осло ситуация сложилась такая: Кип совершил неисчислимое количество хороших забегов, но главный успех так и не пришел. Да и в Осло никто от него этого не ждал.

Тем не менее, Кип осознавал, что он делает свою работу достойно, упрекать его не в чем. Так, наверное, считали и все другие.

Забег, особенно на дистанции 1500 метров, должны были стать сверхтрудными.

Здесь собрались лучшие спортсмены мира, и ожидалось, что будет поставлен новый мировой рекорд. В качестве стимула премию победителя увеличили в два раза, и в случае победы у него долго не было бы нужды в деньгах.

Имелись и соображения престижа: команде Кении надо показать всем парням из Северной Африки: знай, мол, наших.

Имелись и прочие нюансы: тут было несколько звезд из Кении, сменивших страну проживания, поскольку им не нашлось места в родной сборной. Это вызывало некоторые трения.

Ну, и прямо нужно сказать, что обстановку накалили впечатления от предыдущих соревнований на Кубок мира двухнедельной давности: уже в дороге послышались пререкания. Номера не забудем, как принято говорить в хоккее.

К вечеру потемнело, и начало холодать, когда наступило время забега на 1500 метров. В принципе, это устраивало Кипа, он любил прохладу, от которой страдали более теплолюбивые бегуны, чем он.

При построении на старте создалась свалка. Там и сям чей-то локоть пытался занять побольше места, чем требовалось, и атмосфера настолько накалилась, что как только раздался выстрел стартера, казалось, потускнели огоньки вдоль беговых дорожек.

Кип рванулся и пошел впереди, как и следовало ожидать. Какое-то время ему мерещилось, что все бегущие сзади замерли на месте и только потом выстроились следом за ним. Он сразу оторвался на несколько метров, и никто из спортсменов не ринулся его догонять.

– Стартовал слишком круто, – послышался голос среди тренеров, выжидательно застывших у старта.

– И это не в первый раз! – фыркнул кто-то другой.

Когда Кип подбегал к отметке первого круга, он был на десять метров впереди других. Сам он этого отрыва не замечал. У него не было привычки оглядываться на бегущих сзади. К своей досаде он заметил, что табло Бислетта, показывавшее время на дистанции, не горело, и о своем промежуточном результате нужно было догадываться самому. Но бежалось сегодня ему легко. После того, как он прошел 600 метров, зрители бурно продемонстрировали ему свою симпатию, были оживлены, и наверняка это значило, что шансы на рекорд сегодня у него высокие. Трибуны бурно приветствовали его, когда он вышел на первую дорожку второго круга. Кип не стал заикливаться на этой мысли, продолжая бежать, как бежалось. Начал завершаться второй круг, и, значит, приближался решающий момент в судьбе Кипа. Установка была такой: пройти два полных круга забега не более, чем за 55 секунд каждый, и это уже открывало дорогу к финишу с мировым рекордом.

Но тут надо заметить, что Кип и на этот раз бежал не с основной группой, а был для нее настигаемым погоней зайцем. Два круга – и уже положение за его спиной стало изменяться. Еще немного, еще вот-вот, и его отбросит в сторону, в этом с давних пор и заключалась его роль впереди бегущего.

Послышалось указание: «Можешь продолжать, но сойдешь с дорожки, как только услышишь, что за тобой пыхтит догоняющий».

Так с Кипом прежде и случалось. Если не можешь побеждать в соревновании, не понимаешь тактики бега, а лишь умеешь держать скорость, ты – прирожденный заяц. Это был суровый приговор, но ничем тут не поможешь, остается смириться. Порой ему было очень обидно выходить из игры в то время, как он ощущал себя в хорошей форме.

Но сейчас ничьего пыхтения за спиной не слышалось. Кип был в таком неутомимо бодром состоянии, что пробежал два круга на много секунд раньше намеченного времени. Это ему самому стало ясно до того, как световое табло вновь включилось. Так и прежде случалось пару раз, когда он начинал на слишком большой скорости, промелькнуло в его сознании. Причем, в последний раз его чуть не сняли с соревнований. «Побегу теперь в том же темпе дальше, пока еще в форме, да и остальные получат больше тяги. Может это немного сгладит мою ошибку», – подумал он.

А позади творилось нечто странное. Рвущиеся к победе звездные бегуны сразу заметили, что опережающий их заяц на этот раз держится слишком круто и пока не стоит следовать его темпу. Началась тактическая игра среди догоняющей группы: никто в ней не захотел занять внезапно освободившееся место претендента на победу, никто не хотел рассекать воздух для соперников, как это делает птичий жоак, летящий во главе клина. Несколько попыток среди преследователей вырваться вперед на первом круге превратились на втором круге в легкую стычку острых локтей, а такое, как известно, быстро не кончается.

Лишь очутившись перед очень бурно реагирующей публикой, Кип заволновался и оглянулся назад. По крайней мере, сорок метров отделяло его от остальной группы. Мелькнула мысль: «Это мой конец, сейчас настигнут, верное дело». Однако указание было таким: «Сойдешь с дорожки, как услышишь пыхтение сзади». Но пыхтения все еще не слышалось. К тому же если отскочить в сторону, когда бежишь один, это будет выглядеть совсем по-дурацки. «А если я продолжу так, чтобы они догнали меня, тогда смогу незаметно слинять». Но снижение скорости не помогло. Сзади началась почти рукопашная. И Кип, двигаясь по дуге, выскочил на финишную прямую. Ну что ж, на полповорота впереди всех. И теперь я проделаю последний отрезок сквозь строй, решил Кип, приосанился, вновь увеличил скорость и взял курс на двери в раздевалку, находившиеся в конце финишной прямой. «Исчезну таким путем со стадиона и избавлюсь от тренерской ругани», – подумал он.

Все как будто уже позабыли о неудачливом догоняемом зайце. Публика загорелась интересом к настоящему бегу, разочарование в связи с намечавшимся было провалом рекорда начало сменяться азартом ожидания результатов финиша. Впереди еще более ожесточенный последний круг!

Где-то у края известковой разметки Кип еще издали заметил гневные, ожидаемо недобрые жесты тренера, мол, прочь оттуда. Но ситуацию разрешил хронометрист. Он следил, как бежит Кип с безразличным видом, держа руки на бедрах, и вовсе не собирался давать сигнал на последнем круге возле Кипа. Бегуны ведь еще бегут.

И тут в Кипа вселился бес. Так, заяц, значит, все себе бежит, ну и что судьескому звонарю до этого. А что, если заяц сделает неожиданный выкрутас? Они от меня отстают на 6-7 секунд и, конечно, не обращают на зайца внимания, ведь его уже не должно быть на беговой дорожке. Вряд ли они начнут спуртовать раньше, чем за 300 метров до финиша, а у меня тогда было бы меньше 250 метров. Пусть это будет мой последний забег, но человек не предназначен для вечной заячьей роли. И все равно, это моя последняя дистанция в любом случае. Лучше недолго послушать ругань, чем раскаиваться весь век.

И он решил: «Я пробегу этот забег до конца по-своему. Теперь все зависит от того, когда они осознают, стараясь переиграть друг друга, что этот заяц бежит всерьез. Естественно, что, когда он уступает, награда приходит на счет и победителю, и зайцу. Теперь награда тоже придет, если придет, но побольше, чем прежде. Зарплаты у зайца не особенно хорошие. Участок, пусть небольшой, и недалеко от родной деревни, хотелось бы, наконец, прикупить. Там я бы обучал сына бегу и внушил ему главное: никакой дисциплины на дистанции! Беги настолько быстро, насколько можешь, – так бы я его учил».

Последняя прямая, и тут начинает чувствоваться стартовая скорость. Публика уже понимает, что в забеге опять новый поворот и, ко всему, прежде неслыханный. А взаправду ли этот бегущий впереди спортсмен – заяц? Сначала слышится несколько вскриков «вау», но затем юмор и неожиданность ситуации становятся очевидными, и весь стадион разражается бурными аплодисментами.

Он оглянулся: ну да, они пробежали за ним до цели еще 200 метров. Подступает неожиданное ощущение боли, какой не будет чувствоваться на террасе свежим вечером. Боль от молочной кислоты в мышцах. Нет, такой не будет на тренировках с сыном. Дыхание его становится прерывистым. Что ж, этого больше не будет с ним никогда. Здесь уже стемнело, но в его стране в это время светит солнце.

Шаг Кипа и его мысли словно бы укорачиваются. И кажется, что он не замечает, как миновал линию финиша на метр раньше соперника, и продолжает бежать, все более укорачивая шаг и бормоча какие-то слова.

Формальная церемония награждения так и не состоялась, потому что победителя нигде не смогли найти. Но в городе говорили о мужчине в спортивном костюме, который, не спеша, держал путь от стадиона в сторону отелей и при этом безумно хотел и выглядел совершенно свободным.

Негромкий военный клич

Зачем я здесь стою, из часа в час, изо дня в день, год за годом? Этого Хенриксон никогда у себя не спрашивал. Да и никто другой об этом у Хенриксона не спрашивал, ибо редко кто его обычно замечал, а если даже и замечал, то не настолько, чтобы назавтра вспомнить его лицо. Но Хенриксона это устраивало. Ни сам он никого ни о чем не спрашивал, ни другие его. Он давно понял: его место именно здесь, среди людей, а о делах не надо ни расспрашивать, ни рассказывать.

И этот день был для Хенриксона таким же, как любой другой, столь же значительным. Если что-то и отличалось, то это было вызванное усталостью небольшое чувство тяжести, но, несмотря на это, Хенриксон знал, что исполнит свой долг и сегодня. Часы пробили 10, это был сигнал.

Дверь в универмаг Стокмана отворилась, и Хенриксон в потоке других ожидавших переместился внутрь.

Те, другие, спешили по делам, за какими-то покупками, в разные отделы. Хенриксон знал, что у него будет время расположиться, что этим утренним посетителям из-за спешки будет не до него. Наконец все как следует. Хенриксон занял привычное место, несколько в стороне, но и немножко на виду, так, чтобы торопливый посетитель смог его заметить, если б захотел, а при желании и не заметить, проскочить мимо. Его миссия не ставила целью испытывать чью либо совесть. Еще один последний штрих – поправить эполеты униформы. Костюм может быть потускневшим, но все-таки должен отличаться. Униформа Армии спасения делала из него часть организации, его личность в ее футляре чувствовала себя в укрытии, под защитой. Это очень устраивало Хенриксона, который по натуре всегда был стеснительным и не мог даже вообразить, что представляет только самого себя.

А в униформе он готов был беседовать с кем угодно и о каких угодно важных и сложных делах, если кто-то вдруг жаждал такой беседы. И не стоит ошибаться в этом отношении, униформа не подчеркивала чувство собственного достоинства Хенриксона, наоборот, она делала его доступней для желавших поговорить с ним. Костюм был символом его служения. Всегда находился кто-нибудь, жаждавший побеседовать, но чаще всего диалог ограничивался обменом словами вежливости: «пожалуйста», «спасибо».

Хенриксон с годами приобрел привычку благодарить дважды.

Первое «спасибо» было кратким, оно произносилось при взгляде на ящик для пожертвований и на протянутую руку дарителя. Но после того, как монеты прозвенели, Хенриксон поднимал глаза и нежно произносил второе «спасибо», как бы благословляя жертвующего. Двойное «спасибо» родилось как бы само собой: сначала поблагодарить от себя, а затем словно бы от того, которому это подаяние предназначено помочь.

Хенриксон вступил в Армию спасения в двадцать лет, и вот уже скоро позади сорок пять лет его бескорыстного служения. И он не считал это каким-то значительным достижением. Служение сделалось его жизнью и без него не было бы у него и жизни. Многие, наверно, благодарны судьбе, но что касается Хенриксона, это значило, что он благодарен судьбе за то, что получил возможность служить так долго. То, что он примкнул к этой армии, многие полагали лишь случайностью, но сам-то он был убежден, что это его жизненное предназначение.

В ту пору Хенриксон призвали в армию, на воинскую службу, как и других его ровесников. Само собой ясно – он был готов защищать родину и особенно не раздумывал об этом до самого призыва. А тут вдруг возникло где-то внутри какое-то странное чувство. Он вдруг обнаружил, что находится в тяжелых раздумьях над очевидным вопросом: гожусь ли я на то, чтобы убивать других людей, и если да, то по какой причине, по какому праву? Ну, пойду я в армию, знаю, что это мой долг, а я всегда выполняю свои обязанности. Но как я могу быть достойным воином и гражданином, если чувствую сомнения?

Молодой Хенриксон оказался на распутье. Почему именно сейчас надо решаться, нет, чтобы пожить еще год-другой без раздумий... Напряжение росло.

Хенриксон прежде никогда не читал этого. К домашней двери и раньше приходили скромные разносчики газет, он перекидывался с ними несколькими словами, получал очередные издания, просматривал.

Но на сей раз вышло по-другому. Хенриксону попалась газета «Военный клич», на первой странице которой бросился в глаза мучивший его вопрос. Там же нашелся и ответ: все в его собственных руках и зависит лишь от него. Если чувство ответственности сильнее, чем его сомнения – надо подчиниться чувству. С этим убеждением он и пошел в армию, но после того решил примкнуть к Армии спасения. И не из-за одной только тяжелой строевой службы: после того, как он прочитал газету от начала до конца, ее благая весть застряла в нем. Первые годы служения нужно было многому научиться, к тому же привыкнуть не придавать слишком большого значения тому, что думают о его службе другие. Его сверстники остерегались быть не такими, как все, опасались сделаться предметом насмешек. Но в представлении Хенриксона эта опасность скоро стала восприниматься по-иному, как бы повернувшись другой стороной: насмешки не оскорбляли, а вызвали сочувствие к тем, кто из-за него мог нравственно опуститься до того, чтобы заниматься оскорблениями, а значит, поступать неправильно.

На работе, на складе, его вначале чуждались. Но постепенно сложилось так, что с ним начали вести с глазу на глаз разговоры, и часто – на серьезные личные темы. Даже у беззаботных товарищей имелись свои проблемы, и Хенриксон всегда готов был их выслушивать.

Работа на складе сразу показалась ему весьма подходящей. Хотя Хенриксон закончил магистратуру, он не хотел идти на такое место, где требовалось и после окончания рабочего дня думать о работе. Затем настало время службы в Армии спасения, и он сосредоточился на ней.

Желание посвятить себя делу полностью со временем победило. После того, как Хенриксон прошел офицерскую школу движения, он остался на службе на долгие уже годы.

Сегодня сбор в ящике будет небольшим, это Хенриксон знал заранее. Посетителей в магазине было столько же, сколько обычно, однако входящие в эти двери не станут задерживать на нем внимания. А если и сочувственно кивнут, то тут же заявят, что уже пожертвовали стоящему перед входом.

Сегодня был всеобщий день сбора пожертвований, и по улице энергично расхаживали сборщики, и в такт шагам позванивали ящиками с мелочью. Среди сборщиков было и несколько известных людей. «Все игровые автоматы опустошили», – думал он и изумлялся неожиданности своих мыслей. Как-то это выражение застряло в его голове еще со времен Мауно Койвисто: опустошить автомат.

В молодости Хенриксон иногда ловил себя на том, что его удручало, что сборщики денег охотно давали интервью после того, как всего лишь несколько часов отдали поприщу помощи неимущим. Но уже тогда он стал решительно отбрасывать подобные недобрые чувства и давным-давно объяснил себе все наилучшим образом: «Конечно, и эти люди армии нужны. Они делают как можно значительней и предстательней то, что я делаю как можно скромнее. Все мы ищем хорошее в человеке». Таков был итог сомнений и раздумий Хенриксона.

Особенно обрадовался он, заметив, что на улице стали появляться молодые сборщики от самых различных общественных организаций. Они по своей инициативе заводили беседы с прохожими, рекламировали дело благотворительности, пропагандировали глобальные проекты борьбы с бедностью. Методы и цели у них могли быть различными, но это не раздражало Хенриксона.

Хорошо, что и молодые чувствуют ответственность, думал он, хотя его и озабочивало то, что в то время, как существует немало организаций и движений, которые проводят важную работу служения неимущим, и в них действует несчетное число людей, чувствуется, что именно в последние годы они начали слишком напоказ соревноваться в сборе денег на благотворительность.

Конкуренция, как боялся Хенриксон, неизбежно принесет прибыль, это вам не рыночное хозяйство. Может быть, даже наоборот, эта навязчивость начнет отталкивать благотворителей. Если на каждом углу друг против друга будут стоять люди с ящиками для пожертвований, то скоро им придется разойтись в разные стороны. Таким был ход мыслей Хенриксона.

И все же, считал он, тут важно не количество собранных денег, а единение. Потому-то и хороша униформа. Те, которые их не замечают, все-таки заметят. Миссия моя сугубо деликатная: стою в сторонке, не выкидываю никаких номеров, не говоря уже о том, чтобы приставать к проходящим, но сама моя униформа оставляет даже в спешащих мимо важный сигнал. В их подсознании застрекает мысль, что существуют и такие люди, которые дорожат своими ближними, думают о них. Людям надо дорожить друг другом. По многим я вижу, что они замечают меня, а во мне они также видят и мое дело.

Эти мысли внезапно привели его к кажущемуся парадоксальным выводу. Хенриксон стал со временем считать самыми главными в своем деле такие моменты, когда его как бы не замечают.

Именно этим не замечающим его людям он хотел бы больше поведать о своей работе. «Скрытая весть обращена к подсознанию», – вспоминал Хенриксон слова какого-то пиарщика. Этим я и занимаюсь.

Поначалу он больше всего любил время Рождества, его предпраздничные дни. И то, как рождественские котелки наполнялись с приходом людей, часто издалека, специально приносящих подарки. Возле рождественского котелка со многими можно познакомиться. У некоторых в обычае приходить ежедневно, а есть и такие, что приходят и по несколько раз в день.

Педантичный чиновник ходит и летом, и зимой на работу и с работы точь-в-точь по тому же маршруту, и когда рождественский котелок попадаетея прямо на его пути, ни разу не было, чтобы, проходя, он не достал из кармана мелочь.

А одна пожилая дама перед каждым Рождеством приходит принести денежную лепту всегда в одно и то же место и в одно и то же время. Она держится почтено и в то же время стеснительно. По ней видно, что она всегда дает полусотенную купюру. И купюра ее точно сложена именно для того, чтобы сунуть ее незаметно. Когда в стране отказались от марки, у госпожи в руках также была купюра в 50, но теперь евро, и она также канула в котелке. Это был большой по тем временам подарок, и к тому же от человека, у которого гарантированно не было излишка средств. Хенриксон тогда почувствовал, что сейчас надо вмешаться, и устремился вслед за ней.

«Я знаю, что это евро, но если тот, кто всегда получал мои пятьдесят марок, не знает про евро, то будет обманут в ожиданиях», – спокойно объяснила дама, уверяя, что она справится, всего лишь на этот раз не купит рождественской елки. И только после длительной беседы Хенриксону удалось ее убедить, что и 10 евро обрадуют получателя не меньше, чем полусотня. Наконец ему удалось вернуть даме две купюры по 20 евро из собственных денег. Но они теперь будут вычтены из расходов на Рождество самого Хенриксона.

Вот там идет министр, заметил Хенриксон, оторвавшись от своих мыслей. Я встречал его здесь время от времени, чаще всего в табачном отделе. Он и теперь, кажется, там был, и даже еще не положил пачку в карман, а сразу стал вскрывать ее, спеша к выходу. Он из тех, которые, я знаю, должны меня замечать. И важно, что я запечатлелся в его памяти. Может быть, это еще отзовется в нем.

В сущности, Хенриксона не трогало, какое положение занимает примеченный им человек – все просто люди.

Да, министр занимает важное положение в обществе. Этого он добивался, достиг, но не выглядит особенно довольным. По его мнению, надо спасти экономику страны. Я же стараюсь спасти людей. Хенриксон запретил себе продолжать это рассуждение, так как знал, что за ним последует вывод: я спасаю людей, а не экономику, что важнее. Но так нельзя думать.

Не мое это дело: сравнивать, чья работа важнее, чье положение. Мне довольно того, что мое – необходимо в этой жизни. То бишь, мое дело, а не положение.

Это Хенриксон вынужден был годы тому назад объяснять знакомым, которые прослышали, что его называют майором Армии спасения, и хотели поздравить с этим. «Наверное, в том была и доля насмешки, но я на это не реагировал», – думал он. И положение майора не влияло на то, что Хенриксон хотел оставаться на поле именно этой «работы самаритян», как называли социальную службу. Гораздо сложнее было беседовать с бизнесменом, женившимся на его родственнице. У того было непоколебимое убеждение, что Хенриксон считает себя лучше других из-за того, что занимается актами милосердия. Вдобавок ко всему, он утверждал, что работа эта по-своему эгоистична: если бизнесмена всего лишь греют деньги, то Хенриксон явно претендует на нимб святого. Так обычно шла их перепалка.

Хенриксон становился безоружен, когда у него начинали допытываться, какую все же выгоду он получает от работы. Он никогда не думал об этом, настолько все для него было очевидным.

«Ничего такого, к чему ты стремишься», – отвечал он, но это бизнесмена не убеждало, и тот начинал талдычить о неясных, скрытых мотивах.

«Награда – в это я, конечно, верю. Но не в земной жизни. Здесь она нам не предназначена.

Настоящая награда приходит после. Но ее ли получение настоящий мотив? Все же нет. Если верить в воздаяние, то должна быть и вера, а вера сама по себе – сокровище, которым надо дорожить. То есть, я верю и дорожу верой, поэтому я делаю эту работу, это моя опора и отправная точка, а воздаяние придет потом. У моей деятельности нет ясно очерченного мотива, это как бы следствие моих убеждений».

Этого вывода Хенриксон не произносил вслух, а довольствовался в конце концов тем, что говорил бизнесмену всегда одно и тоже: «Буду молиться и о твоём спасении».

Вот со стороны отдела косметики идет молодая дама, по-видимому, со своей знакомой.

«Выглядят веселыми, – думает Хенриксон. – Знаю эту даму, хорошо, что она улыбается, ей живется нелегко, и приходится время от времени обращаться в комнату Хедвига. Там мы поддерживаем ставших жертвами семейного насилия. Надо сейчас отвести от нее взгляд и быть понезаметнее. Из деликатности, ибо один лишь вид нашей униформы может ей напомнить о тяжелых обстоятельствах... Все обошлось, – обрадовался Хенриксон, – если даже она и заметила меня, то все-таки не утратила хорошего настроения. А вдруг мой костюм напомнил ей о том, что кто-то всегда готов помочь ей».

В то же время Хенриксон почувствовал, как тяжелое утреннее состояние снова напомнило о себе. Даже послеобеденный отдых не помог избавиться от недомогания. В его ящике сегодня не набралось обычно собираемой суммы, хотя общественные сборщики уже давно ушли. Но не это самое главное. И нынешнее задание все-таки выполнено.

«В понедельник я пойду на раздачу хлеба, давно на ней не был. Туда приходят те, у которых совсем большая беда. Многие из них стали хорошими знакомыми, беседа им помогает, и я делаю это с удовольствием. Увидим, все ли мои знакомцы на месте, было бы приятно их снова встретить», – подумал Хенриксон, и тут же решил, что лучше было бы их больше не встречать, ибо это значило бы, что их беды миновали.

Вечером, перед сном, мысли всегда возвращаются к прошедшему дню.

Один мужчина сегодня остановился спросить у него о названиях, употребляющихся в их движении. Почему армия, военный клич, звание майор и так далее, слишком уж по-военному это звучит для организации вспомоществования.

Эти любопытные вопросы он слышал не в первый раз. И давно уже привык отвечать стихотворной цитатой, строками основателя движения Уильяма Бута:

*До тех пор, пока женщины плачут, как сегодня, –
ХОЧУ СРАЖАТЬСЯ,
До тех пор, пока дети голодают, как сегодня, –
ХОЧУ СРАЖАТЬСЯ...*

И Хенриксон перед сном начал незаметно для себя вполголоса повторять эти строки, свой военный клич. А утром Хенриксон больше не проснулся. Но у него самого наверняка не возникло никаких возражений. Он был только благодарен за то, что смог прослужить более сорока лет, сражаясь.